

Римма Выговская

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ

Римма Выговская
История одной семьи

«Пробел-2000»

2014

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Выговская Р. В.

История одной семьи / Р. В. Выговская — «Пробел-2000», 2014

ISBN 978-5-98604-437-8

«...Вообще-то я счастливый человек и прожила счастливую жизнь. Мне повезло с родителями – они были замечательными людьми, у меня были хорошие братья... Я узнала, что есть на свете любовь, и мне повезло в любви: я очень рано познакомилась со своим будущим и, как оказалось, единственным мужем. Мы прожили с ним долгую супружескую жизнь. Мы вырастили двоих замечательных сыновей, вырастили внучку Машу... Конечно, за такое время бывало разное, но в конце концов, мы со всеми трудностями справились и доживаем свой век в мире и согласии...»

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-98604-437-8

© Выговская Р. В., 2014

© Пробел-2000, 2014

Содержание

Родители	6
Младенчество	8
Ещё об отце	10
Няньки	11
Детсады	13
Мои братья	15
Теперь про Вовку	22
Жизнь где-то там...	24
Каратуз	25
Война	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Римма Выговская

История одной семьи

Моему мужу, Льву Андреевичу Кобякову посвящается

© Выговская Р. В., 2014

© ПРОБЕЛ-2000, 2014

Родители

Мой отец, Владимир Александрович Выговский, родился в 1892 г. в глухой белорусской деревушке где-то под Витебском. Кстати, я там однажды в свои 15 лет побывала в гостях.

Выговские были крепкой крестьянской семьей, в которой было семеро сыновей: Александр, Станислав, Казимир, Владимир (мой отец, понятное дело), Виктор, Антон, Иосиф – и одна дочь Мария.

Александр и Станислав в гражданскую войну воевали по разные стороны баррикад, и оба погибли. С остальными я позже познакомилась.

Когда я родилась, ни дедушки, ни бабушки уже давно не было на свете, и я знаю только (по словам деревенских старушек), что вроде бы внешностью пошла в бабушку Софью (она была полькой по происхождению).

Отец, повторяю, родился в крепкой крестьянской семье, но сам не был крестьянином. Я не знаю, где он там учился, но уже в свои 14 лет он преподавал в какой-то деревенской школе и работал там 3 года, а в 17 лет отправился в Москву и устроился работать на какой-то Люберецкий завод. В 1917-м (а было ему уже 25 лет) отец вступил в партию. Он сам рассказывал об этом так: «Вхожу в комнату, стоят три стола. Партия большевиков (или как она тогда называлась?), эсеры и ещё какая-то (это я не помню какая, отец помнил). Человек, который принимал в большевики, показался мне самым симпатичным, и я подошёл к нему и записался в будущую Коммунистическую партию».

В 1960 г. отца не стало. Примерно через неделю после похорон у нас в квартире раздался звонок. Трубку взяла я. Спросили Владимира Александровича Выговского. Оказалось, с Люберецкого завода. Я ответила в том смысле, что не знаю, какое дело у моего отца было с Люберецким заводом, но, к сожалению, он скончался и неделю назад похоронен. Звонившие возмутились: «Почему нам не было сообщено о его кончине? Умер такой человек!» Я сказала, что, в общем-то, умер мой отец, а при чём тут Люберецкий завод – мне не известно.

Оказывается, отец был членом первого московского совета рабочих депутатов и именно от Люберецкого завода. При жизни он об этом никогда не говорил. Люберчане или люберовцы (?) поинтересовались, где похоронен отец, и снова возмутились, узнав, что на Кузьминском кладбище. «Такой человек!»

Надо сказать, что Госбанк, где отец многие и последние годы работал, принимал активное участие в погребении отца, предлагал маме Ваганьковское кладбище. Она отказалась, потому что, проведя рядом с отцом немалую жизнь, нажив и вырастив детей, она никогда не была его законной женой. И она побоялась, что, когда умрёт, её не разрешат похоронить рядом с ним, потому что она ему как бы никто. Но это всё будет потом.

Судя по всему, в первые годы после революции (я не знаю, как долго отец работал на Люберецком заводе и как долго он депутатствовал) он поступил в Финансово-экономический институт и успешно его окончил. Где он работал по окончании института, я не знаю, но, очевидно, карьера его складывалась довольно удачно: отец получил аж две комнаты, правда, в коммунальной квартире на Сухаревской улице, женился, родил детей. А в 1934–35 годах его отправили в длительную командировку в Красноярский край на «укрепление колхозов». Жена его с ним не поехала, осталась с дочерью в Москве (первая девочка умерла) «беречь жилплощадь».

* * *

Моя мать, Вера Сергеевна Абабкова 1909 года рождения, из оренбургских казачек, осиротела в 5 лет: её родители умерли от холеры. Два следующих года она жила в семье старшего брата Фёдора Сергеевича Абабкова, который впоследствии стал председателем колхоза. А когда ей исполнилось 7, брат отдал маму в няньки, в чужие руки. Она так и выросла у чужих людей. Всех она не помнила, но всегда говорила, что там, где она была «нянькой», «прислугой», к ней относились как к члену семьи: все одинаково много трудились, в том числе и мама, и за стол она садилась вместе со всеми. Особенно тепло она вспоминала свою последнюю хозяйку: «Всему, что я умею делать, научила меня она». Мама называла и её имя, но я не запомнила.

Семейство, в котором последнее время батрачила моя мама, было крепким, зажиточным, и их, голубчиков, конечно же раскулачили и отправили на спецпереселение. При этом выяснилось, что мама – не член семьи, а батрачка, и её отправили в Ульяновск на рабфак. До этого мама, несмотря на своё «батрачество» окончила какую-то церковноприходскую школу.

Благодаря этой школе мама знала очень много певучих и красивых народных песен. Я с раннего детства любила их, и мама разучивала со мной те, что она помнила. Потом некоторые из них я встретила в сборнике Кольцова.

В Ульяновске мама окончила рабфак по специальности «ветеринария» и была распределена на работу в Красноярский край. К этому времени она успела побывать замужем, родила сына Генку, с мужем разошлась и в Красноярский край отправилась вдвоём с Генкой. Впрочем, в 1935 г. ей уже было 26 лет.

Вот там-то, в Красноярском крае, и пересеклись пути моего отца и моей матери, очень скоро они стали жить вместе, потому что в 1937 г. у них родилась я.

Мама работала ветеринаром и заведовала очень большим хозяйством. Она часто уезжала в командировки и вынуждена была нас, детей, оставлять на няnek или отдавать нас (но почему-то только нас с Женькой, Генка был, наверное, уже «самостоятельным») в круглосуточные и даже в круглонедельные детские сады.

В Москве, когда мы туда переехали, мама долго не могла найти работу по специальности. Наконец она устроилась на мясокомбинат им. Микояна (по-моему, он был тогда в Москве единственным, но, может быть, я и ошибаюсь) осмотрщицей мяса и проработала там 15 лет, почти до пенсии, до которой не дожила 9 дней: 21 сентября 1964 г. около моего дома её насмерть сбила машина.

Младенчество

Мне кажется, я помню своё рождение. Когда я рассказывала об этом раньше, надо мной смеялись, но однажды где-то я прочитала, что некоторые люди помнят это. Вот к этим людям принадлежу и я.

Я помню, что мне было очень неловко и неудобно и надо было что-то преодолеть, и вдруг – я на свободе: вокруг свет и люди.

Отец хотел меня назвать Людмилой или Тамарой. Против Людмилы мама возражала, потому что так звали его первую дочь, которая умерла, а против Тамары у мамы были другие возражения:

*...царица Тамара жила,
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла!*

«Не хочу!» – сказала мама. Тогда отец воскликнул: «Да хоть Фёклой назови!» И мама назвала меня Риммой. Откуда она взяла там, в Сибири, это имя? Оно мне никогда не нравилось, и только к старости я с ним смирилась.

Я родилась очень строптивым ребёнком. Грудь мамину взять наотрез отказалась, и мама, у которой было полно молока, вынуждена была сцеживать его и кормить меня из бутылочки, или, как тогда говорили, «из рожка».

Декретный отпуск в те времена был очень короткий, и мама скоро вынуждена была выйти на работу. Утром она сцеживала молоко, разливала его по бутылочкам и оставляла меня и бутылочки на попечение «нянек»: 14–15-летних девочек, которым я была совершенно неинтересна, и частенько они просто забывали меня покормить. Мама рассказывала, что, возвращаясь домой, она издали слышала мой голодный вой. Однажды она поймала одну нянюшку, которая вылила молоко из бутылочки в помойку. Мама её выгнала, но вряд ли на её место пришла лучшая.

В конце концов, меня отдали в ясли. Помню полутёмную комнату и нас, младенцев, укладывают по кроваткам. Мы орём на разные голоса: кто громче? Громче всех оказываюсь я. Все уже затихли, а я ору и ору. Наконец, кто-то приходит, хватает меня на руки и выносит из этой тёмной комнаты в какую-то очень светлую (неужели там было электричество?!). Комната довольно просторная. Там стоит длинный стол и за ним – люди. Вероятно, наш обслуживающий персонал, уложив, наконец, нас спать, решил поужинать и попить чайку.

Меня сажают на пол, а чтоб мне не было скучно, дают в руки две или три огромные крышки от кастрюль. Ах, как славно они гремели!

Второе воспоминание из того же возраста. Я опять на полу, но дома. В комнате полутемно, на столе горит керосиновая лампа, за столом мама что-то шьёт на машинке, а мне для развлечения дала одну-две катушки ниток. Я ими забавляюсь, но обошлась бы и без них, меня заливают волна счастья: мама рядом, вот она!

И ещё. Но это уже 1938-й год. Потому что уже появился Вождь, Учитель и Руководитель всего моего детства и друг юности – мой брат Женька. Он родился 15 декабря 1937 г., но мама записала его на 2 января 1938 г.

Я снова на полу. В углу довольно большой (наверное, с моей тогдашней точки зрения) комнаты, а в противоположном углу – мама и Женька. Я по обыкновению ору, заливаюсь слезами: мне хочется к маме. Она зовёт меня: «Иди!» А я не могу сдвинуться с места. Зато Женька, как торпеда, носится из угла в угол между мамой и мной и показывает мне, как это просто: встал на коленки и вперёд! А я не могу.

* * *

И ещё. В 1937 г. отца арестовали, когда он возвращался из Москвы с какого-то важного совещания. Арестовали прямо в поезде и отвезли на Лубянку. Мама рассказывала, что я очень остро переживала разлуку с отцом и вешалась на шею и лезла на руки ко всем мужчинам, которые попадались мне на глаза. Отца не отправили, к счастью, в лагерь, а, продержав его два года на Лубянке, выпустили и выслали по месту работы, вернув даже партийный билет. Это было счастьем для нас и несчастьем для него, потому что его взяли не одного, а с целой группой. И всех остальных сослали в лагерь. Отца всю жизнь мучила мысль: почему? Может, его «подельники» думают, что он их предал? И только уже в пятидесятые годы, когда начали возвращаться репрессированные, к нам в дом пришла жена его друга Катя и заверила отца, что никто о нём никогда как о предателе не думал, просто считали, что ему повезло, и его освобождение было частью какой-то их, большевистской, сатанинской программы.

Так вот мы с Женькой снова на полу перед входной дверью. Мы в сладком ожидании: сейчас войдёт он, наш ПАПА! И он входит, весь в белом (нижнем белом белье – из бани). Мы счастливы.

* * *

И последний эпизод. Я утром в своей кроватке, опять жду, зная, что сейчас перед уходом на работу папа зайдёт поцеловать меня. Мама рассказывала, что она мне шила платица из своих стареньких. А какие у неё были платья? Конечно же, ситцевые. И вот она сделает какую-нибудь коке точку, а дальше платье опускается колоколом, покрывая чуть не полностью мои ножки. И вот, ожидая отца, я решила прихорошиться: от подола платья до самой кокетки рву платье на ленточки. Рвётся легко: ткань-то ветхая. И я располосовала так всё платице. Отец вошёл и пришёл в ужас: «Ты посмотри, она разорвала всё платье!» А я в отчаянии и горьком разочаровании: ведь для него старалась!

Ещё об отце

Отца выпустили с Лубянки или в конце 1938-го, или в начале 1939 г... Выпустить-то его выпустили, но досталось ему там крепко. Сестре моей сводной Александре, проживавшей в Москве, однажды позвонили и сказали, что такого-то числа, в такое-то время она может встретить своего отца у таких-то ворот Лубянки. Она пришла к назначенным воротам, к назначенному времени и стала ждать. Ждёт-ждёт, а отец не выходит. Вышел какой-то старикашка и начал оглядываться по сторонам. Сестра недоумевает, где же отец? Вдруг этот жалкий старикашка подходит к ней и говорит: «Шура, ты, что, не узнаёшь меня?» Сестра пришла в ужас. Она ни за что бы не узнала в этом старике отца. Она видела его два года назад, мужчину в полном расцвете сил: ему в 1937-м. было 45 лет.

* * *

Несмотря на то, что отцу вернули якобы даже партийный билет и отправили по тогдашнему месту работы, когда он в 1958 г. начал оформлять пенсию, он, конечно, рассчитывал на персональную: член КПСС аж с 1917-го! Увы, в райкоме ему объяснили, что стаж его исчисляется с того самого момента, когда он вышел с Лубянки. Никакой «персоналки» он не получил.

Я мало интересовалась политическими взглядами отца в то время. Но знаю, что он был очень обижен и потому, когда старший брат Геннадий, простой слесарь на заводе, пришёл к нему уже в 1960 г. и сообщил, что ему рекомендуют вступить в партию, отец сказал: «Вступишь – прокляну!». И Геннадий не вступил.

Правда, когда, уже вернувшись из Сибири и увидев, что многие сослуживцы отца получили отдельные квартиры в приличных домах, в приличных районах, а мы продолжали существовать в 12-метровой комнатке на Таганке в коммунальной квартире, собрав все документы, я пошла за отца хлопотать. И о чудо! Я получила положительный ответ: в течение года отец получит квартиру, а не имел её до сих пор, поскольку никуда не обращался и ничего не просил.

Это было в конце 1959-го – начале 1960 г., а 9 апреля 1960-го отец скончался. Через некоторое время пришла открытка из соответствующей организации на имя отца: «Владимир Александрович, зайдите по такому-то адресу за получением ордера на квартиру».

Как плакала мама! Я её еле уговорила всё-таки сходить в эту организацию, и сама пошла с ней.

Мама показала открытку и сказала, что, к сожалению, адресат умер. Но ей спокойно объяснили, что в заявлении отца были записаны несколько человек и не мог же он «взять их с собой»!

Так мама в конце своей жизни получила пусть «хрущобку», пусть у чёрта на куличках, но всё-таки отдельную квартиру, в которой прожила свои последние 4 года.

Однако возвращаюсь в раннее детство, когда мои родители ещё живы и мы вместе.

Няньки

Сколько помню сибирскую жизнь, у нас в доме всегда были няньки. Правда, «няньки» – это громко сказано, ибо они были кем-то вроде пушкинского Балды: «Нужен мне работник, повар, конюх и плотник», – так, кажется? Родители, помимо детей, ещё держали довольно большое хозяйство, без которого в то время трудно было прокормиться: у нас были корова, овцы, свинья, куры, огород. Сами родители очень много разъезжали по командировкам, а дети и хозяйство оставались бес присмотра. Вот и брали в дом прислугу: и за детьми присмотреть, и за скотиной, и за огородом, если нужно. «Няньками» были или престарелые старушки, или девочки 14–16 лет. Много их у нас перебывало, всех не упомнишь, но двух «нянек» до сих пор помню прекрасно.

* * *

Однажды мама привела в дом ещё довольно крепкую старушку и объявила нам: «Вот, дети, это ваша новая няня».

– «Какая ещё няня?! – возмутилась старушка. – Это у барских детей няньки да мамки, а они не барские дети. Я Павловна! Понятно? Как меня зовут?»

– «Понятно, – ответили мы (Генка, Женька и я), – Баловна...»

Так у нас поселилась «Баловна». Старушка была очень суровая, но вскоре мы в ней души не чаяли.

Нас с Женькой Баловна каждое утро отводила в сад (или в ясли?). Приведёт туда, а я там оставаться не хочу и по своему обыкновению начинаю орать. Баловна никогда не оставляла меня в таком состоянии, но успокаивала преоригинальнейшим образом. «Орешь? – спрашивала она меня. – Ну, ори, ори. Вон, видишь, стол стоит? Я сейчас на него лягу и начну рукава жевать. Сначала у себя отжую, потом у тебя, а потом у всех подряд начну жевать». Услышав такое, я в ужасе замирала, вытирала слёзы и начинала её уговаривать: «Не надо, Баловна, не жуй. Я больше не буду. А вечером ты за нами придёшь?» – «Куда мне от вас, окаянных, деться!» – говорила Баловна и со спокойной душой уходила домой.

Вечером дома Генка на правах старшего начинал канючить: «Баловна, дай пряничка или конфетку. Ну, Баловна, дай нам пряничка или конфетку...»

– Где я вам возьму? Нету.

– А ты к приказчику сходи (так Баловна называла продавца в сельпо).

– Ладно, – говорила Баловна, – схожу.

Надевала свой рабочий халатик и шла в хлев к скотине. Доила корову. Задавала корм ей и остальной живности, а потом возвращалась домой.

– Ну, что, Баловна, дал приказчик гостинцев? – вопрошал Генка.

– Дал, сволочь, – отвечала Баловна, – уж как я просила его, как умоляла: дай ребятам по несколько пряничков и конфеток! Нет, паразит, дал только по одному пряничку и по одной конфетке (карамельке).

– Да ладно, Баловна, ведь дал же всё-таки, а завтра ты ещё к нему сходишь.

К сожалению, Баловна прожила у нас недолго: она умерла. Это было ещё до 1941 г., когда нас, детей, было ещё только трое, а я до сих пор её помню. Даже внешне.

Потом потянулась целая вереница нянек (или старенькие совсем старушки, которым с нами и с хозяйством справляться было не под силу, и они уходили, или молоденькие девчонки – тем и с нами, и со скотиной было и нелегко, и неинтересно), пока не появилась в нашем

доме Стюра (сибирское уменьшительное имя от Анастасии). Я даже фамилию её очень долго помнила и забыла вот совсем недавно...

* * *

Стюра прожила в нашем доме несколько лет. Когда она пришла, ей было лет 16–17. Во время войны её от нас взяли на трудовой фронт. Она, бедняжка, не выдержала лесоповала и сбежала. Пришла к нам. Её опять у нас нашли, арестовали, судили, дали год тюрьмы, а из тюрьмы она опять вернулась к нам. И родители приняли её.

В 1945 г. она с нами уехала в Москву и прожила там у нас до 1947-го, но у неё был просрочен паспорт, и, как мама ни хлопотала, было велено Стюре вернуться по месту прописки. Слава Богу, жизнь у неё в Сибири наладилась. Она вышла замуж, родила детей. О ней я ещё не раз буду говорить, потому что в определённый отрезок времени она занимала в моей жизни весьма значительное место.

Других няnek (а их было много) я просто-напросто не помню.

Детсады

В перерывах между няньками, да частенько и при их наличии, нас с Женькой отдавали в детсад или ясли, не знаю, что вернее.

Однажды нас отдали в какой-то даже не круглосуточный, а вроде как круглогодичный детсад: нас забирали домой очень редко и на очень короткое время.

Там нас навещали почему-то мама и Генка – чтоб это был отец, я не помню. Мама приезжала, брала нас, вела на улицу, в магазин, покупала подарки. Однажды она купила мне такую довольно большую деревянную бабочку на колёсиках: за палочку везёшь её, а она крылышками хлоп-хлоп. Здорово. А ещё калейдоскоп. О, это была моя любимая игрушка! Я часами могла любоваться узорами, которые постоянно меняются. В память о своём далёком детском счастье я купила такую игрушку, но она показалась мне не такой прекрасной, как та, из моего детства. Во-первых, осколочки в современном калейдоскопе не стеклянные, а пластмассовые, и они не такие обворожительно яркие, как те. А может, в детстве и сахар был слаще и вода мокрее... Так хорошо было с мамой!

Но вот она уже собирается уезжать. Естественно, я в крик. Реву, разину рот и сую себе в рот свои кулаки, а мама протягивает мне свой: «На мой, а то тебе мало.» Я реву и реву. Маме надоедает, да и уезжать надо, и она говорит: «Дочка, пить хочется, принеси мне воды». Я с радостью кидаюсь исполнить её просьбу, а когда прибегаю с водой, мамы уже нет, уехала. Меня захлёстывает обида: обманула...

В другой раз помню, как мама приехала летом. Мы гуляли в лесу – в тайге. Пока она нас разыскивала, она набрала огромный букет цветов (она очень любила цветы, всякие). И так и вышла к нам: из-за букета её почти не было видно. Все детишки бросились к ней: «Дай!» И мама раздала цветы всем детям, которые среди этих цветов гуляли, но увидели их только в маминих руках. Мы с Женькой радовались: вот какая наша мама – всех одарила!

Приезжал Генка один в санях на лошади. Солидно с нами здоровался. Мы замечали, что у него новое пальто. «Хорошее», – одобрял Женька. Генка тоже привозил нам гостинцы. У него через плечо висела связка баранок. И опять, как и мама, Генка угощал не только нас, но и других ребятишек. А мы с Женькой снова радовались: вот какие гости к нам приезжают, всем хорошо!

Иногда мама в качестве гостинцев привозила или присылала с Генкой пакетики-порошочки с солью – соли-то тогда не было. И вот в этих аптечных пакетиках мы получали по чуть-чуть соли, и за столом раскрывали их, и приглашали своих соседей по столу чуть присолить свою еду. И опять радовались. Сколько же было поводов для радости!

Однажды Генка приехал к нам не с визитом, а за нами. Мы сели в сани, Генка – на облучок, и мы поехали домой через тайгу. Мы были вне себя от счастья, но вдруг за нами увязалась свора не то собак, не то даже волков. Генка привстал и стал нахлёстывать лошадь, но та и сама летела во весь опор. До дому добрались благополучно.

Почему-то родители часто переезжали с места на место. Например, я родилась в селе Б. Хабык (на каком-то этапе паспортистка исправила это название на Б. Хабынское, так у меня в паспорте и значится), а Женька, родившийся через год, появился на свет уже в другом месте, самый младший брат Вовка – в третьем и т. д.

Помню, в какой-то деревне я в сад шла почему-то одна (может, Женька болел?). Прихожу, меня осматривает садовский доктор, молодой мужчина, и вдруг говорит мне: «Девочка, иди домой и скажи маме, что у тебя свинка, поняла?» Я головой-то кивнула, но ничего не поняла. Мне стало мучительно стыдно: какой же чумичкой я пришла в детский сад, если дядя доктор обозвал меня свиньёй?!»

Я пошла не домой, а на речку. Там я стащила с себя платице, «выстирала» его в речке, разложила на травке и стала ждать, пока оно высохнет. Там, пригорюнившись, меня и нашла мама, которой уже успели сообщить, что меня отправили домой.

Мои братья

Братьев у меня было трое. Старший, Геннадий или попросту Генка, сын мамы от первого брака. Это был настоящий старший брат: в меру с нами строг, но и защитник, и опора. Собрётся он куда-нибудь со двора к своим друзьям-сверстникам, мы с Женькой с обеих его сторон на нём повиснем: «Возьми нас с собой!» Он немножко посопротивляется, а потом берёт нас за руки и вперёд. Его друзья спрашивают: «Чего ты мелюзгу с собой притащил? Ладно бы пацана, а девку-то зачем?» – «Да ладно, – отвечал Генка, – их легче с собой взять, чем отвязаться от них».

И так всю жизнь он был СТАРШИМ братом. И, только когда он умер, недели не дожив до 72 лет, я удивилась: старше меня он был всего на два с небольшим года! 19-го августа 2006-го ему исполнилось бы 72 (умер он 12 августа), а мне 1 января 2007-го стукнуло 70.

* * *

О Женьке я уже говорила. Вообще-то он родился в том же, 1937-м, что и я, только 15 декабря (а я – 1 января). Мама же записала его, благо в деревне это было возможно, на 2 января 1938 г. Так что в детстве мы с Женькой свои дни рождения всегда отмечали вместе – 3 января. Папа получал зарплату 2-го числа, и нам выделялись какие-то деньги на это. А уж сам праздник мы с Женькой очень рано стали устраивать самостоятельно, пока родители были на работе.

Женька был главной фигурой в моём детстве, особенно раннем. Он раньше меня пошёл, раньше меня начал разговаривать и очень старательно обучал меня этому.

Если я не знала, как называется то или это, я обращалась к Женьке: «Деня, это тё?» Женька тут же давал мне исчерпывающий ответ, не всегда совпадающий с действительностью. Но переубедить меня было невозможно: «Деня казав». Пока Женька не выучивался говорить правильно, я слог в слог повторяла за ним.

Женька был очень забавным малышом. Хвастун он был страшный. Хвастался, чем мог и чем не мог. «Мой папа – директор», – например, заявляет он. «Директор чего?» – спрашивают его. «Директор столовой», – гордо отвечал Женька. Выше должности он тогда не знал, а в столовую в нашем посёлке или деревне мы иногда заходили и пили там бесплатно морс. Мама договаривалась, а потом за нас платила.

Мы с ним так и росли: неразлучно, как близнецы. Даже спали в одной кровати лет до 12.

Однажды соседка по коммуналке захотела выбросить из своей комнаты письменный стол – такой красивый, старинный. Он был без ящиков, но с очень изящными гнутыми ножками. Мы с Женькой пристали к маме: давай, возьмём. «Куда?» – спрашивает мама (мы вшестером жили в 12-метровой комнатухе. Мы с Женькой уговорили маму выбросить нашу кроватку-кушетку, а на её место поставить стол. Днём он нам служил столом, причём письменным (!), а ночью – крышей над нашим спальным местом. Женька загородил его со всех сторон, провёл туда электричество, и я – о, счастье! – получила возможность читать там хоть всю ночь напролёт. Женька рядом только сладко посапывал. Иногда я будила его: «Жень, слушай, Д'Артаньян-то! Он знаешь, что? Он...» Женька выслушивал меня благосклонно и, закрывая глаза, говорил: «Ну, ладно, читай дальше, потом расскажешь». А до этого мне приходилось читать на кухне, откуда родители меня постоянно гоняли.

Были мы с Женькой в параллельных классах: я – в женской школе, он – в мужской. Учились одинаково хорошо, даже в старших классах, хотя Женька никогда не любил читать и накануне сочинения обращался ко мне: «Слушай-ка, завтра у нас сочинение по „Войне и миру“, расскажи вкратце, в чём там дело?» Я с упоением начинала ему пересказывать содержание

романа. Женька, послушав меня минут 10, перебивал: «Стоп, стоп! Значит, этот – вот кто, а эта – его невеста, а эти... Ну, ладно, хватит, ты, чего, весь роман мне собралась рассказывать? Хватит уж!»

И что удивительно: сочинения он писал не хуже меня. Может быть, не лучше, но и не хуже.

Братья Генка и Женька были моими защитниками на нашей Б. Коммунистической, даже когда их рядом не было. Идём с девчонками из школы, а впереди – заслон из мальчишек со снежками. Ой, что будет!.. И вдруг с их стороны слышится: «Ой, ребя, там сестра Выговского (или Хромого – Генкино прозвище: он в 15 лет сломал ногу, некоторое время хромял, а прозвище осталось на всю жизнь). И снежки дожидались другой группы девочек, у которых не было таких защитников. Везунчиком Женька был удивительным. Если я с самого детства всё теряла: те малые деньги, которые нам выдавались на карманные расходы; рукавички, ленточки из кос и т. д. Женька постоянно что-то находил. Однажды мы с ним стояли в очереди, помню, за сахаром (а в очередях нам в детстве пришлось постоять, ой, как много! – то за мукой, то за сахаром или подсолнечным маслом и т. д., и т. п.). Так вот стоим мы, значит, в очереди (под проливным дождём между прочим), прижимаясь, стараясь втиснуться в стену какого-то деревянного дома или сарая, а на нас с крыши льются потоки воды. И вдруг на Женькину голову вместе с очередной волной воды шлёпается сотенная бумажка – сумма по тем временам очень даже немалая. Конечно же, мы дома об этом рассказали. Не помню, как были истрачены эти деньги, но, поскольку обиды на родителей не осталось, очевидно, всё было улажено по справедливости.

Как я уже говорила, мы учились с Женькой в параллельных классах, но в разных школах: мужской и женской. Родительские собрания иногда совпадали, и в одну школу должна была идти мама, а в другую – папа. Мы с Женькой быстренько устраивали военный совет: у кого в школе благополучней – туда направляли папу, а мама всё стерпит.

Это мне напомнило эпизод уже из моей материнской судьбы. Старший сын Митя, поступив по окончании школы в Физтех, в каком-то семестре вдруг схватил на экзамене тройку. Ужасно расстроенный, он пришёл ко мне на работу и попросил: «Мам, давай папе об этом не скажем». А мамы все одинаковы: всё стерпят.

В 1955 г. мы с Женькой закончили школу и оба не поступили в институты. Он пошёл в какое-то ТУ (Техническое училище), окончил его и какое-то время работал на заводе. Там он начал было очень активно сливаться с рабочими массами по части употребления алкогольных напитков, но тут вмешался старший брат Геннадий, который довольно долго увлекался спортом: играл в баскетбол и бегал на лыжах (по лыжам у него даже был какой-то разряд). Так вот, взял он Женьку под белые руки, отвёл в спортивный клуб, в секцию баскетбола и таким образом спас от угрозы пьянства. Женя очень хорошо прижился в этом клубе и в этом виде спорта и, несмотря на то, что был невысок, скоро стал капитаном. У меня есть фотография, где он, самый маленький, стоит во главе команды.

Женя довольно долго был маленького роста: сказывалось, очевидно, голодное военное детство.

Как-то летом мама решила его отправить на каникулы в деревню к родственникам. Ему не хотелось ехать, и, в надежде, что та за него заступится, Женька пожаловался на маму своему старшему тренеру Наталье Николаевне. А она ему вдруг говорит: «Поезжай, Женя, поезжай и постарайся побольше есть гречневой каши». И за то лето Женька и впрямь вытянулся. Очень высоким он не стал, но уже не был маленьким. Он был таким активным игроком и так болел за свою команду, что появлялся на поле даже больным, с температурой. А выиграв и вернувшись домой, буквально сваливался в полубреду. Он играл и в институте, даже когда уже был аспирантом.

Женька был очень благодарным человеком. Всю жизнь в день своего рождения независимо от того, присутствовал Геннадий или нет, чуть ли не первый тост был за него, за Генку, за старшего брата, сумевшего уберечь младшего от возможных ошибок.

Ещё о Женькиной везучести. Когда мы поступали в институт, я не добрала полутора баллов и не прошла по конкурсу. Женька на экзамене по математике схватил «пару». На следующий день он пошёл за документами, но в приёмной комиссии его попросили зайти на кафедру математики. Там ему предложили «сыграть ва-банк»: он тут же сейчас же сдаёт математику ещё раз. Женька решил, что терять ему нечего, и согласился. Его как следует «погоняли» по всем разделам и поставили четвёрку, так он был принят в МИСИС.

Вот и росли мы с Женькой душа в душу. Его друзья были моими друзьями, и моих подружек он тоже привечал.

И, когда вступили в юность, мы продолжали дружить. Я, правда, не знакомила своих мальчиков с Женькой – а он меня со своими девочками знакомил. Если он шёл с девочкой в кино или в театр, он предупреждал: «С нами пойдёт моя сестра». И обсуждению это не подлежало.

Всё изменилось, когда он встретил свою будущую жену. Леночка (так мы в семье звали её с самого начала знакомства) не приняла меня ни в какую! В первый же раз, когда мы с Женькой зашли за ней на каток, она сказалась больной и не пошла с нами. На катке было полно друзей, и мы с Женькой там не были приклеены друг к другу. Как же я удивилась, когда через какое-то время я увидела своего брата в паре с Леночкой!

Так началось наше с Женькой отчуждение. Вскоре они поженились, но подружками мы с Леной не стали, а так – дальними родственниками. Лена была со мной отчуждённо вежлива, не более того. Женька смотрел Леночке в рот, и они начали свою жизнь, в которую мне не было доступа. Я, правда, никогда не была в обиде ни на Женьку, ни тем более на Лену. Уж очень хорошо им было вдвоём! До самой Жениной смерти они не просто любили друг друга, а были влюблены по уши. Женька прожил очень хорошую, счастливую семейную жизнь, и я всегда только радовалась за него.

На похоронах и родные, и знакомые называли его главой большого клана, вожаком стаи. Только мне в этом клане и в этой стае места не было. В принципе, он никогда не забывал, что у него есть сестра, но мы оказались с ним в совершенно разных сферах общения, и это не способствовало дальнейшим нашим родственным, дружеским отношениям.

По молодости они пытались нас с моим мужем Лёвой «учить» жить, несколько хвастаясь, как хорошо живут они, не принимая во внимание того, что мы с Лёвой начинали самостоятельную жизнь с чайной ложки, без всякой поддержки с какой-либо стороны: папы уже не было, а у мамы, которая зарабатывала не бог весть какие деньги, был на руках очень неблагополучный наш младший брат, о котором речь ещё впереди и который, несмотря на своё явное неблагополучие, успел обзавестись семьёй.

Однажды, находясь в глубоком отчаянии – у меня совсем не было денег, а мамы уже не было: она до моих детей не дожила, дети же по случаю болезни оба были дома, не в саду-яслях, и мне абсолютно нечем было их кормить – я, взяв младшего Гришу на руки (ему был год), а старшего Митю за руку, отправилась к брату за помощью, просить в долг до зарплаты рублей пять. Они жили тогда очень далеко от меня: мы на Варшавском шоссе, а им родители Лены купили 2-комнатную кооперативную квартиру на Речном вокзале. И вот я приехала туда, к ним. Они встретили нас очень гостеприимно, вкусно накормили, детей уложили спать, а в ответ на мою просьбу о займе прочли мне целую лекцию о том, как я неправильно живу и с зарплаты не откладываю на книжку ни копейки, а вот они всё время это делают. Они не брали в расчёт, что у них за спиной был глубокий тыл – Ленины родители, вполне успешные, обеспеченные люди. Её отец был кандидат наук и ещё постоянно писал книги по своей специальности (по моему, он был каким-то металлургом, во всяком случае до конца своей жизни проработал в

Институте стали и сплавов). Мать Лены, маленькая хрупкая женщина, тоже имела отношение к металлургии и на заводе чуть ли не заведовала серьёзным цехом. А Лена у них была единственной дочерью, обожаемой.

И вот, прочтя мне лекцию о «правильном ведении хозяйства», они проводили меня домой. И только на улице, доставая рукавичку (дело было зимой), я обнаружила в кармане просимые мною в долг 5 рублей. Это, наверняка, сунул мне Женька, тайком от Лены.

Это был мамин почерк. В юности, когда я ещё жила с родителями, но уже работала, я иногда по какому-либо поводу взбрыкивала и отделялась от семьи на самостоятельное довольствие. Зарабатывала я мало, тратить деньги, естественно, не умела и в одно прекрасное утро обнаруживала, что денег у меня – только на дорогу до работы, и даже на обратную дорогу нет, не говоря уж об обеде и прочем.

И вдруг, спускаясь по лестнице с 5-го этажа (у нас не было лифта) и доставая из кармана перчатки, я обнаруживала там «пятёрку». Вот растяпа, думала я – забыла про эту денежку! И благополучно проживала день. А назавтра история повторялась в несколько другом варианте: в кармане вместе с необходимой мне «пятёркой» я находила ещё и завтрак, заботливо сделанный мамой. Ну, что ж, я всё понимала, просила у мамы прощения, и мы мирились.

Так, по-маминому, втихую, поступил и Женька. Но больше я никогда не обращалась к ним за помощью.

Всю нашу взрослую жизнь мы встречались с Женькой очень редко: или 1-го января на моём дне рождения, или 2-го – на Женькином. Да ещё иногда у старшего брата, который, в отличие от Женьки, очень ратовал за семейные связи.

Мать Лены Мария Абрамовна была очень приветливой, доброй женщиной. Она была за родственные отношения между нами. Они жили тогда (Ленины родители и Женька с Леной, а последние потом так и прожили всю жизнь в этой квартире, доставшейся им путём каких-то сложных обменов) около метро «Павелецкая», прямо напротив входа. И Мария Абрамовна говорила нам с Лёвой в те редкие моменты, когда мы там появлялись: «Ребята! Ведь вы каждый день проезжаете на трамвае мимо нас. Что бы вам не сойти, не зайти к нам, не поужинать. Смотрите, как удобно: вам не надо после работы идти в магазин, потом готовить, а после мыть посуду. А тут поужинали, а уж на завтрак вам я что-нибудь соображу».

Признаться, я иногда пользовалась этим гостеприимством, и всегда Мария Абрамовна кормила меня вкусно, сытно и была очень радушна, приветлива и добра. Иногда даже совала мне что-нибудь из вещей дочери: «Она всё равно не носит, а тебе, может быть, и пригодится».

Потом «пошли дети», и уже ни о каких-таких визитах «поесть» не могло быть и речи, но Мария Абрамовна и тогда старалась помочь нам. Так, когда родился Гришенька, она отдала мне много вещичек, оставшихся после её внуков (а они на полгода старше нашего Митеньки) и даже – что очень ценно – один из двух спальных конвертов (у Женьки и Лены были близнецы), которые она сшила для своих внуков. Конверт был замечательный, тёплый, и я горя с ним не знала.

Повторяю, я никогда не обижалась на Женьку за некоторую отстранённость и удалённость от меня, потому что видела, что он с Леной по-настоящему счастлив, и её родители приняли его в свою семью раз и навсегда. Уже незадолго до своей кончины Мария Абрамовна говорила мне, что они с мужем сразу увидели в Женьке «перспективного» юношу, но он даже превзошёл их ожидания. Женька сначала защитил кандидатскую, потом докторскую диссертацию, стал профессором, много лет был директором крупного подмосковного оборонного завода и только последние три года своей жизни ушёл с этой должности в замы директора в ГИРЕДМЕТ – этот институт его с почестями и хоронил.

Женька и у мамы был совершенно бесппроблемным ребёнком. Всегда спокойный, в школе он не был отличником, но учился хорошо и очень ровно, в отличие от меня, которая время от времени начинала фордыбачить и валять дурака. Всю жизнь он был счастливчиком. Тогда

родителей время от времени заставляли покупать облигации внутреннего займа. Поскольку отец был довольно крупным чиновником, приходилось брать их на значительные суммы. Принеся облигации домой, он каждую надписывал чьим-нибудь именем (из наших). Что интересно – чаще всего выигрывали Женькины. А было так заведено, что если чья-то облигация выигрывает, то её хозяину полагался презент: чаще всего покупалась какая-либо обновка.

«Мои» облигации не выигрывали никогда. Принеся очередную стопочку облигаций и начиная их между нами «распределять», отец сомневался: «Стоит ли Римке надписывать, она ни разу не выиграла?» Женька придумал хитрый ход: «А ты запиши на меня, но поставь точку. Если эта облигация выигрывает, то будет Римкина». По-моему, и этот хитрый ход мне не помог.

Дети Женькины никогда не общались со мной как с родным человеком и за родную тётку не держат и сейчас. Слава Богу, что они выросли вполне адекватными и порядочными людьми.

* * *

С Геннадием всё по-другому. Повторяю, он всю жизнь оставался и старался быть СТАРШИМ братом. С моим мужем Лёвой они подружились. Лёва уважал его за светлый ум (несмотря на малообразованность: Генка окончил всего 4 класса, а потом ремесленное училище – и всё), трезвость суждений и золотые руки. Генка умел делать всё: починить утюг – пожалуйста, телевизор – без вопросов!..

Ещё лет в 12–13 он собирал по помойкам какие-то выброшенные детали и конструировал то детекторный приёмник, то радио. Однажды сделал нам с Женькой радио с наушниками, но, увидев, как мы спорим из-за них, он разделил их и сделал нам по автономному наушнику.

А вот учёба у него не пошла с самого начала. Потом, после армии, уже будучи женатым и с детьми, он было спохватился и пошёл в вечернюю школу, но тут у него на дороге встала жена: «Выучишься и бросишь меня, необразованную, с детьми». Так Генка и проработал всю жизнь на одном заводе (уходя оттуда только в армию) слесарем-сборщиком, правда, очень высокого разряда. Последние годы он работал мастером. Были на заводе такие операции, которые выполнить мог только он, поэтому ему прощали всё – и даже пьянство.

Генку уговаривали вступить в партию, но он, помня запрет отца (я уже об этом писала), стойко сопротивлялся, а потом он начал торговаться.

Когда он женился и переехал жить к жене, её семья (она, мать и младшая сестрёнка) жили в жалкой комнатухе в бараке. Туда и Генка пришёл, там и их первый сын Андрей родился. Вскоре – о, счастье! – им дали комнату метров аж в 16! (на 5 человек) в благоустроенной коммунальной квартире, там у Генки и его жены Лиды родились ещё два сына.

Так вот, Генка начал торговаться с партийными руководителями: «Дайте отдельную квартиру, я подумаю». – «Ты, что, торгуешься? А бесплатную путёвку в забайкальские места не хочешь?» – «Почему же? С удовольствием посмотрел бы на Байкал, тем более, бесплатно».

Руководство пошумело-пошумело, но всё-таки дали Генке чудесную 3-комнатную квартиру на Рязанском шоссе, недалеко от завода, где он работал.

Через некоторое время к Генке снова начали приступать всё с тем же предложением: «Вступай в партию! Ты обещал». Генка на это: «Я обещал подумать. Вот сижу и думаю». Так и не вступил.

Семейная жизнь у Генки сильно отличалась от Женькиной, да и от моей тоже. Первый ребёнок родился до брака, но Генка из роддома принёс сына к нам домой, в коммуналку на Б. Коммунистической, положил его на родительскую постель и объявил маме: «Вот внук, принимай». А мне: «Тётка, придумай имя». Я-то и назвала мальчика Андреем. Так и остался Андрей жить у нас, Лида кормила его плохо, в основном выхаживала мальчика мама, а родители то появлялись, то исчезали. Наконец, мамино терпение кончилось, и она им заявила: «От внука

не отказываюсь, но гулящие его родители мне не нужны. Или женитесь и живите, как люди, или пошли вон, а внука я и без вас подниму». Так мама и женила Генку.

Жили они плохо, недружно. Года через два у них родился второй сын, и опять брат мне сказал: «Тётка – имя!» Я назвала второго мальчика Алёшей. А в 1963 г. у них родился третий мальчик – прелестный, бело-розовый, с белыми волнистыми волосиками. Я решила назвать его Иванушкой. Уж такой он был Иван-царевич! Но тут взбрыкнула Лида, мать: «Хватит, своих рожай и называй как хочешь, а этот будет Виталья». Я считаю, что она этим именем изменила ему судьбу. Брат вручил мне право называть своих сыновей, и я дала ему имя, а Лида не согласилась.

В общем, у них выросли не очень благополучные сыновья. Лида безумно любила их и оберегала от всего, в том числе и от образования. Они уберегли их даже от армии, устроив работать на завод, в цех к Геннадию. Мальчики начали рано пить. Младший «Виталья» допился до того, что у него стали отниматься руки и ноги. Обратились к нашему с Лёвой Грише (он уже был врачом). Гриша положил кузена в соответствующую клинику и предупредил, что, даже если он излечится, пить ему всё равно противопоказано: «Иначе превратишься в лежачее парализованное бревно». Виталий «согласился» с Гришей и перешёл на наркотики и опять довёл себя что называется «до ручки». Опять был призван Гриша, который опять положил его уже в другую клинику, но туда к Виталию пришёл его друг и принёс «дозу». Виталий, некоторое время не принимавший наркотиков, сразу вколол себе как следует и умер от передозировки.

Других Генкиных сыновей Гриша время от времени лечил от алкоголизма, но всякий раз они через некоторое время «срывались» и начинали «по новой».

Наконец, Гриша сказал мне: «Мама, я умываю руки. Больше по этому вопросу ко мне не обращайтесь».

Так и живут они, попивая и страдая расстройством здоровья. Впрочем, все трое очень рано женились и родили некоторое количество внуков Генке и Лиде. С жёнами, правда, не ужились. Внуки Генкины, к счастью, вроде пока вполне адекватные люди и даже не чужды образованию.

Лида всю жизнь Генку пилила по любому поводу: за то, что он пил, например. Несколько раз Генка пытался «завязать» и даже «подшивался». Тогда Лида придиралась к тому, что он вроде как много молчит: наверное, вспоминает свои попойки и мечтает, как бы раздобыть бутылочку. Генка не выдерживал и срывался, начинал выпивать снова.

Работая с ним на одном заводе и чуть ли не в одном цехе, она постоянно держала его под контролем. Время от времени объявляла ему войну и, например, через суд требовала с него алиментов на детей. А поскольку они продолжали жить вместе, получку отбирала тоже. И даже договаривалась на заводе, чтобы ему не давали денег на руки, а получала их сама.

Вот так они и жили. Генка очень завидовал нашим с мужем отношениям, хотя я тоже была не в восторге, когда Л. А. стал всерьёз увлекаться зелёным змием, много лет боролась с этим и всё-таки победила.

Мы с Генкиной семьёй были несколько ближе, чем с Женькиной, но полного родства тоже не было. Лида очень ревновала Генку ко мне и всякий раз препятствовала, когда он собирался чем-то мне помочь, – не деньгами, нет, а что-нибудь сделать, например, в новой квартире: «Что тебе уже совсем дома делать нечего?» – вопрошала она и не отпускала Генку ко мне одного ни на минутку, а когда были встречи «семьями», они, конечно, ограничивались застольями.

* * *

В итоге могу сказать, что на Женьку я никогда не обижалась за маленькое ко мне внимание, потому что он был очень счастлив в семье (прожив жизнь, я убедилась, что это не так

часто бывает даже, казалось бы, в самых благополучных семьях), а Генку я просто немного жалела, хотя он и любил свою жену.

Теперь про Вовку

Вернёмся в Сибирь. Однажды в январе 1941 г. мы с Женькой вдруг почему-то были дома, а не в саду. В этот день, 11 января, оба родителя были дома: папа хлопотал по хозяйству, а маме нездоровилось, и она лежала в постели. Вдруг к нам пришла фельдшерица Галя, которую мы прекрасно знали, поскольку часто, особенно я, болели, и Галя всегда в это время нас навещала и лечила. Мы её так и звали: «Галя с чемоданчиком».

Когда Галя пришла, отец быстренько одел нас и выпроводил гулять, и мы с Женькой радовались снежной и морозной сибирской зиме. Где был Генка – не помню, наверное, слонялся где-то по своим неотложным делам.

Через какое-то время отец позвал нас в дом, раздел и, вынеся откуда-то из-за печки какой-то свёрток, сказал: «Ребята, посмотрите, что нам Галя в чемоданчике принесла». Мы взглянули: «Это Вовка, Полькиной матери сын» (очередной нянкой у нас тогда была 15-летняя девочка Поля, и её часто навещала её мать с грудным младенцем на руках.).

– Хорошо, – сказал отец, – пусть будет Вовка, Володька, Владимир Владимирович, раз вы так его назвали.

Так в нашей жизни появился младший и последний брат Вовка. И когда уже через год-полтора мы с Женькой приехали из нашего очередного «длинного», как мы его называли, детского сада, то увидели, как этот Вовка, словно маленький принц, разгуливает по комнате, уставленной многочисленными комнатными растениями (мама очень любила цветы и комнатные тоже, и у нас всегда их было огромное количество), как в каком-нибудь зимнем саду, мы очень даже позавидовали ему.

Вовка был очень милым ребёнком, и с его появлением в нашей с Женькой жизни мы поняли, что Генка – любимец мамы, а Вовка – любимчик отца, а мы с Женькой – где-то посерединке внимания, и с раннего детства стало ясно, что главные в нашей детской среде – это Генка и Вовка. Мне досталось нянчить Вовку долгие годы. Нет, мы не страдали от того, что нас меньше любят и что Вовка был постоянно со мной, куда бы я ни пошла, ни поехала. Одно время он даже называл меня «мамой», чему я совершенно не радовалась. Он почти никогда не ходил в детсад, и в Москве тоже.

Однажды в моей школе на весенние каникулы нас, «активистов», (а я была очень активной) в награду за нашу «работу» повезли автобусом на экскурсию в тогдашний Загорск (я училась в 6-м классе), Вовка, конечно же, был со мной. Надо признать, что Вовку нянчили все экскурсанты, включая нашу учительницу и старшую пионервожатую: когда он, утомившись в дороге, заснул у меня на руках, его взяла к себе наша учительница.

* * *

К сожалению, Вовка – самый неудачный мой брат из троих. Почему-то в абсолютно непьющей семье он стал выпивать с 14 лет, причём серьёзно, с попаданием в милицию. Тогда о наркотиках было ещё и не слышно, но Вовка пил уже какие-то таблетки и однажды чуть не погиб, пока мы не обратили внимание на то, что он спит как-то совсем неестественно, и не вызвали скорую помощь и т. д., и т. п.

Он прожил очень недолго, едва до 40. Ещё при жизни мамы успел жениться и родить дочку. Жена Володи после смерти нашей мамы, которая их кормила, обстирывала и обихаживала, выгнала его из дому. Он нашёл себе новую жену, с которой я познакомилась на его похоронах (звали её, как и нашу маму, Верой), которая не катила на Вовку бочки, говорила, что он

был очень хорошим отчимом-другом её сыну, часто вспоминал свою семью и особенно сестру Римму. Вот такая история про моих братьев.

Жизнь где-то там...

И снова Сибирь. Я не знаю, почему мои родители так часто переезжали в Сибири с места на место. С чем это было связано? Сейчас не у кого спросить, но эти бесконечные переезды я помню. Однажды мы жили в жалкой лачужке с крохотной комнаткой, и, по-моему, дверь открывалась прямо на улицу – сеней не было.

И вот однажды утром, мы ещё спим вповалку на полу, открывается входная дверь, и в клубе морозного пара появляется мама в дохе, а под ней – в тулупе. Она идёт к нам, улыбается, достаёт что-то из-за пазухи, кидает мне какой-то чёрный комочек и говорит: «Дочка, это тебе на день рождения!» Комочек оказался крохотным щеночком, сибирской лаечкой. Мама назвала её (а это была «она») Дианой (мама откуда-то очень хорошо знала мифологию). Мы же, дети, звали её попросту Дянкой.

Диана выросла в замечательную собаку, ставшую нам, детям, нянькой и заступницей и немного строгой наставницей.

Одно время где-то мы жили совсем без «нянек». Мама утром кормила нас и уезжала на работу. Дианку она сажала на цепь во дворе. Мы гуляли, как вольные птицы, по всей деревне и её окрестностям. Когда в обеденное время мама приезжала нас покормить, она спускала Дианку с цепи и говорила ей: «Приведи ребят». Дианка находила нас, и мы понимали, что мама дома. Но, если мы, увлечённые игрой, не спешили домой, Дианка подходила к нам, хватала нас за платье, за штанишки и тащила домой. Спорить с ней было очень трудно.

Диана прожила у нас несколько лет и стала членом нашей семьи. Но во время войны по деревням начали ходить мужики, которые отлавливали собак «на рукавицы». В первый раз, когда такой мужик поймал нашу Дянку, а мы гурьбой бежали за ним и умоляли отпустить её, вовремя подросла мама, и Дянку удалось спасти. А во второй раз он забрал её, когда никого из нас рядом не оказалось. Мир праху твоему, Диана. Это была первая моя собака.

Итак, мы переезжали и переезжали из одной деревни в другую, я это очень хорошо помню: однажды зимою меня везли в санях очень больную, в жару, я всё время откидывала укрывавший меня тулуп, а мама каждый раз возвращала этот тулуп на место, т. е. на меня.

И, наконец, мы оказались в Каратузе. Я до сих пор помню наш последний адрес в Сибири: Красноярский край, Каратузский район, село Каратуз, ул. Советская, дом № 1.

Каратуз

В Каратузе мы прожили вплоть до отъезда в Москву. Дом наш стоял на берегу реки, видимо, река называлась тоже Каратуз, но я не помню. Дом стоял высоко над рекой, а дальше был крутой обрыв, и внизу текла река.

Дом был большой, во всяком случае, он мне тогда таким казался. Там была зимняя и летняя половина. Летняя половина зимой не отапливалась, она вообще была какой-то не очень жилой: очень просторной и какой-то официальной. На стенах висели портреты тогдашних вождей, и мы любили иногда зимой забредать туда и видеть, как эти портреты были покрыты изморозью.

Жилым помещением для нас была небольшая светлая комнатка с голландской печкой, где спали родители, и большая кухня с русской печкой и полатами рядом с печной лежанкой и чуть выше её. Мы спали на печке или на полатах.

Помню утро, когда все мы, дети, лежим на полатах рядом с отцом, – а это было такое счастье! – и вдруг он, свесившись вниз, говорит маме, хлопотавшей на кухне:

– Мать, а у кого-то сегодня праздник, день рождения. Пельменей бы...

И мама ворчливо отвечает: «А, по-вашему, чем я тут занимаюсь?!» У меня сладко тает в груди: я почему-то твёрдо уверена, что это у меня день рождения и что мама в честь меня хлопочет у печки. С Каратузом связан большой кусок моей более или менее сознательной детской жизни. По-моему, именно в Каратузе появилась у нас вторая, очень значимая для нас няня Стюра.

Война

Каратуз помню и по войне. Не знаю, где мы жили, когда началась война, но прожила я её в Каратузе.

Начала войны не помню, но время потом помню очень хорошо. В детском саду, куда мы с Женькой непременно ходили, мы сворачивали в рулон бинты: нам их привозили выстиранными, большим ворохом, наши нянки и воспитательницы разбирали их на отдельные куски и давали нам, детям, скатывать их в рулоны. Кроме того, мы на прогулках собирали специальную лекарственную ромашку, которая потом сдавалась в определённые сборочные пункты. И, конечно же, концерты в госпитале, который тоже был в нашем селе. Мы читали стихи, пели песенки, плясали и танцевали. У нас с Женькой для этого было два «коронных» номера: «Яблочко» и «Калинка-малинка». Если «Калинку-малинку» мы исполняли просто и весело, то «Яблочко» – это было что-то особенное. Мы пели частушки, всех не помню:

*Эх, яблочко, куда котишься?
Попадёшь ко мне в рот —
Не воротишься.*

*Эх, яблочко, да сбоку зелено,
Не катись туда,
Куда не велено.*

*Эх, яблочко, да на тарелочке,
Надоела мне жена,
Пойду к девочке.*

Эта последняя частушка мне особенно нравилась и под «девочкой» я, конечно же, подразумевала себя.

И под каждую частушку мы исполняли с Женькой некий обряд: мы мыли палубу, ставили паруса, приводили себя в порядок: чистили башмаки и т. д. Номер проходил на «ура».

В одну из военных зим в Каратуз привезли детей-сирот из Ленинграда. Их поместили в больницу, так как они были очень слабыми после блокады, их подлечивали и распределяли по ближайшим детским домам.

А одну девочку, Катю, примерно мою ровесницу, чуть постарше, ни один детский дом не взял: она была очень больна, у неё было больное сердечко. Она поначалу осталась в больнице, но потом её взяла к себе одна из медсестёр. Катя жила у неё, недалеко от нас, на соседней улице. Несмотря на свою болезнь, она была обычным ребёнком: ей и с горки хотелось скатиться и в снежки поиграть. Была Катя из-за болезни сердца очень полной, грузной, и, естественно, дети дразнили её. Бывало, упадёт она, съезжая с горки, а подняться сама не может, дети соберутся вокруг и смеются. Я как-то не выдержала, подошла к ней, подала ей руку, помогла подняться и потом делала так же. Она привязалась ко мне, и мы подружились. Я приходила к ней домой, и мы вместе играли. А уж как радовалась её приёмная мать!

Каким-то образом Катю разыскал её отец, воюющий на фронте. Он стал присылать Кате богатые посылки: видимо, наши войска были уже в Европе. Однажды прислал совершенно необыкновенную куклу: она была с фарфоровой головкой и умела закрывать глаза. Катин отец писал благодарные письма доброй женщине, приютившей его дочку, и обещал, что по окончании войны он приедет в Каратуз и заберёт свою девочку и её приёмную мать в Ленинград.

Катя не дожидая до окончания войны. Когда её хоронили, приёмная мать её собрала нас, детишек, и разрешила взять что-нибудь из Катиных вещей на память о ней. Платица и прочие наряды как-то не очень запали мне в душу, но кукла, присланная Кате её отцом, – это было что-то невероятное! Гораздо позже, когда я уже читала «Отверженных» Гюго и когда Жан Вальжан подарил Козетте куклу, я поняла, что он подарил ей именно такую. Я сказала о кукле Катиной маме, но она ответила, что положила её Кате в гроб. А мне подарила хорошенькое шёлковое платице в клеточку, но я это платье никогда не любила, мне в нём всегда было холодно.

Чем ещё я помню войну? Одну зиму нам с Женькой совершенно не в чем было выйти на улицу: не было валенок, а другой обуви мы, по-моему, тогда просто не знали – или в валенках, или босиком.

Мы сидели дома, тосковали и ныли: «Гулять хотим, на улицу хотим...» Отец нас уговаривал: «Ну, подождите, ребята, вот кончится война, и я куплю вам валенки». И вдруг однажды приходит вечером с работы и приносит под мышкой две пары новеньких, ещё с каблучками, валенок (ещё они там назывались «катанками»). Мы с Женькой молча переглянулись, схватили «катанки», напялили их тут же, накинули кое-какую одежонку и – вон из дома. Самое главное, что мы с ним не переговаривались, а поняли друг друга молча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.